

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 34—41.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 34—41.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18/19"

EDN <https://elibrary.ru/euamel>

DOI: 10.46726/H.2025.2.3

ТРАДИЦИЯ VS НОВАТОРСТВО: «НОВЫЕ ЛЮДИ» ЗИНАИДЫ ГИППИУС

Яна Яниковна Джамалова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, rus-classic-lab@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию крупной проблемы взаимоотношений «старого и нового», «традиции и новаторства», рассматриваемой на примере творчества З.Н. Гиппиус 1890-х гг. В центре внимания находится образ «нового человека», создаваемый Гиппиус в сборнике с провокативным названием «Новые люди» (1896), которое (в совокупности с посвящением), с одной стороны, демонстрирует авторскую претензию на новую антропологию и новую эстетику, с другой — помещает произведения сборника в контекст предыдущей литературной традиции. В статье приводится анализ критических отзывов современников писательницы (рецензии и статьи 1896 г. — начала 1910-х гг.), выстраивающих константную линию восприятия произведений сборника на основе сопоставления героев рассказов Гиппиус с главным героем романа Ф.М. Достоевского «Идиот» — князем Мышкиным. На материале исследовательских работ XX—XXI вв. рассматривается вопрос о влиянии на тексты Гиппиус ещё одной традиции классической русской литературы, воплощенной в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». В заключительной части статьи дан аспектный анализ рассказа «Голубое небо», входящего в сборник «Новые люди». В тексте обнаруживается одновременное присутствие обеих вышеописанных традиций, каждая из которых оказывает непосредственное влияние на создаваемый образ «нового человека». Кроме того, отсутствует, казалось бы, закономерное и ожидаемое противоречие между этими традициями. Анализ образов главных героев рассказа позволяет сделать вывод о реализации в тексте принципа *qui pro quo*, характерного для поэтики произведений Достоевского и «унаследованного» З.Н. Гиппиус.

Ключевые слова: новые люди, З.Н. Гиппиус, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, оппозиция старого и нового, принцип *qui pro quo*

Для цитирования: Джамалова Я.Я. Традиция vs новаторство: «новые люди» Зинаиды Гиппиус // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 34—41.

Оппозиция «старого» и «нового» занимает особое место в мировоззрении и творческом наследии Гиппиус и нередко актуализируется в её размышлениях о литературном процессе XIX—XX вв.: так, говоря в публицистике или в воспоминаниях о писателях XIX века, она часто наделяет их эпитетом «старые», при этом не делая различия в «величине» — под пером Гиппиус «старыми» становятся не только Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев или Ф.М. Достоевский, но и А.Ф. Писемский, А.В. Дружнин, Н.Д. Хвощинская [Гиппиус 6: 162; Гиппиус 7: 45, 69, 347]. Такая номинация не обходит стороной и автора «рассказов о новых людях»: описывая в книге «Дмитрий Мережковский» свое

посещение кружка М.И. Семевского, Гиппиус отмечает: «мне вспоминались старые романы вроде Чернышевского “Что делать?” и всякое старое “студенчество”» [Гиппиус 6: 227].

Пафос обновления и противопоставление своего «нового» отжившему «старому» прослеживаются уже в ранних литературных опытах Гиппиус и наиболее ярко были явлены в её первом сборнике «Новые люди» (публ. 1896), включающем 13 рассказов и 12 стихотворений, а также посвящение А.Л. Волынскому, ставшее впоследствии не меньшим объектом критики, чем сами произведения сборника: «Разными путями можно идти к одной цели. Ваша дорога отлична от моей, оружие, которым Вы боретесь, — иное, но мы идем в одну сторону, ведем одну войну. И Вы, и я окружены врагами: тем отраднее встретиться друзьям. Дух того, что Вы пишете, близок мне, и я дарю Вам эту книгу — первые ступени к новой красоте, которая дорога нам обоим» [Гиппиус 1: 536].

Заметим пока как бы в скобках, что уже здесь, в отдельных компонентах заголовочно-финального комплекса, фиксируется авторская претензия не только на новую антропологию, но и на новую эстетику, новый тип художественности — претензия, сближающая Гиппиус с автором «Что делать?». Не меньший интерес для исследователя представляют и настойчивые просьбы Гиппиус принести ей роман Чернышевского, обнаруживающиеся в письмах к А.Л. Волынскому в 1895 г. — за год до публикации сборника [Гиппиус 14: 24, 36, 46].

Первые отзывы о сборнике были остро критическими, написанными с большой долей иронии: таковы рецензии А.И. Богдановича, Б.Б. Глинского, Н.К. Михайловского, А.М. Скабичевского. Эти тексты, помимо собственно уничижительных оценок «новых людей» Гиппиус, объединяет обращение к теме душевной болезни¹: например, читаем

1) у Михайловского в статье «Литература и жизнь»:

а) «все они [“новые люди”. — *Я. Д.*] являются перед нами или безвольными шалопаями, или истеричными неврастениками» [Гиппиус: pro et contra: 82];

б) о стихотворении «Цветы ночи»: «Мне кажется, это лучшее произведение г-жи Гиппиус, и оно действительно очень хорошо, если видеть в нем горячечный бред или монолог больного, страдающего манией преследования» [Там же: 44].

2) у Скабичевского в работе «Литература в жизни и жизнь в литературе (критические письма)»: «Они [стихотворения Гиппиус из сборника. — *Я. Д.*] представляют сплошь бессвязный бред души больной» [Там же: 76].

3) в особенности же — у Глинского, в рецензии которого тема душевной болезни становится ведущей (текст так и называется — «Болезнь или реклама»): «Эта писательница страдает явной неврастенией на почве анемичного литературного творчества» [Там же: 36]; «Автор — писательница больная, с расстроенной нервной системой» [Там же: 37]. Не забыл критик и самих «новых людей» Гиппиус: «Ее молодежь неспособна к здоровому проявлению любви <...>. На всех описываемых ощущениях лежит печать какой-то болезненности» [Там же].

¹ Тема душевной болезни, определяющей творчество «исследуемого» критиком автора, нередко обнаруживается в отзывах оппонентов писателей-модернистов и составляет одну из характерных черт единого «дискурса вырождения», берущего свое начало в работах психиатров 1850-х гг. и переживающего расцвет в конце XIX в. (подробнее см.: [Матич; Николози]).

Примечательно, что эта линия критики «новых людей» не угаснет, а разовьется с течением времени: В.Я. Брюсов в разделе «З.Н. Гиппиус» издания «Русская литература XX века. 1890—1910» (под ред. С.А. Венгерова, 1914) отчасти продолжит традицию трактовки образов героев сборника через призму психического расстройства: «Любимые герои Гиппиус в этой книге — лица, чуждые школьному образованию или даже не совсем нормальные, иногда, с обычной точки зрения, как бы “слабоумные”» [Там же: 506].

Если в вышеприведенных рецензиях (включая значительно более поздний отзыв Брюсова) критики писали о сумасшествии автора и ее героев «без аллегории, а настоящим медицинским манером», то спустя почти два десятилетия после выхода сборника А.К. Закржевский в книге «Религия» (1913) — заключительной части трилогии, посвященной «“родству” Достоевского и литературы конца XIX — начала XX в.» [Козьменко: 66], — обратится к теме душевной болезни «новых людей» в совсем ином ракурсе, указывая в качестве истока образ князя Мышкина², и тем самым, во-первых, усложнит перспективу трактовки и, во-вторых, «встроит» сборник Гиппиус в литературный процесс: «Такие люди, как Мышкин, — новые люди... <...> Такие новые люди, такие вестники нового, грядущего, может быть, невозможного царства — проходят пред нами в творчестве З.Н. Гиппиус <...> В стремлениях героев Гиппиус к новому царству, к новой земле, <...> — в этих стремлениях чувствуется душа Мышкина» [Гиппиус: pro et contra: 456—459].

Однако, несмотря на такое сравнение, полной «реабилитации» героев Гиппиус (и самой писательницы) не происходит: «Они не могут преобразить действительности <...> так просто и так бессознательно, как это делает Мышкин. <...> ибо они не безумные, а только желающие стать безумными и безумие свое изобретающие <...> [Мышкин. — Я. Д.] безумен был и, благодаря безумию своему, достигал наивысшего счастья — ощущения, что времени больше не будет <...> Душа Гиппиус — *вся в плену разума*» [Гиппиус: pro et contra: 482. Курсив мой. — Я. Д.].

Возникший в отзыве Закржевского упрек в излишнем рационализме заставляет вспомнить еще одну традицию русской литературы — и тут обнаруживается, что в критических отзывах конца XIX — начала XX в. не прослеживается (или, по крайней мере, не выходит на первый план) другое, более очевидное сопоставление героев Гиппиус — с «новыми людьми» Н.Г. Чернышевского и других авторов его «направления». Единственным исключением здесь является статья В.М. Чернова «Литературные впечатления», которая, однако, посвящена не сборнику Гиппиус 1896 года, а героям-«новым людям» романа «Чертова кукла», опубликованного пятнадцать лет спустя [Гиппиус: pro et contra: 344—346].

Подробный анализ влияния фигуры Чернышевского и романа «Что делать?» на мировоззрение Гиппиус представлен в работах О. Матич, впоследствии соединенных в издании «Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России» (авторизованный перевод на русский язык опубликован в 2008). Данное исследование носит скорее культурологический характер, и авторское внимание по большей части сконцентрировано на биографии (так, утверждается, что в устройстве семейной жизни с Мережковским Гиппиус воспроизводит детали брака Веры Павловны и Лопухова, включая

² Связь текстов сборника «Новые люди» с романом «Идиот» отмечал и В.Я. Брюсов, ограничившись, однако, только констатацией факта «влияния».

организацию домашнего пространства) и переписке З.Н. Гиппиус. Единственный комментарий, касающийся сборника «Новые люди», заключается в указании на «характерную культурную многослойность», в которой «отчетливо видны три противоборствующие идеологии: христианство, нищенство и радикальный утопизм 1860-х гг.» [Матич: 358]. Однако детального рассмотрения отдельных художественных текстов автор не совершает ввиду иных исследовательских задач.

Более подробно «литературная» сторона влияния романа Чернышевского на творчество Гиппиус 1890-х гг. раскрывается в исследованиях Л. Пильд. Автор расширяет контекстуальное поле сборника «Новые люди» и указывает, что «Гиппиус ориентируется на традицию русской психологической прозы второй половины XIX в. Помимо Достоевского и Тургенева для нее эту традицию представляет и Чернышевский (роман “Что делать?”)» [Пильд 1998: 101]. В статье фиксируется и особое отношение Гиппиус к этим текстам, выходящее за рамки исключительно эстетического восприятия и лежащее в основу ее собственного творческого метода и житнетворческих практик: «К произведениям названных авторов Гиппиус относится как к литературе “факта”, а не утопического вымысла. <...> каждую составную часть, “деталь” психологического облика будущего “нового человека” нужно сначала познать путем личного и художественного опыта...» [Там же: 102]. Созидание «нового человека», носителя «нового мистико-пантеистического мироощущения» [Пильд 1999], по Гиппиус, должно свершаться одновременно в двух плоскостях, взаимосвязанных вплоть до полного стирания границ, — в сфере собственного реального бытия и в творчестве.

Продолжением исследования данной темы явилась статья Д.М. Магомедовой [Магомедова]. Автор работает в рамках концепции «переписывания классики» и в качестве задачи исследования выделяет «анализ трансформации идеолого-поведенческой модели «новые люди» («нигилисты») в новую литературную эпоху» [Магомедова: 120]. Анализируя образы героев первого сборника Гиппиус, исследователь констатирует, что «новыми людьми» оказываются «персонажи, которые открывают для себя новые возможности духовной и душевной жизни», а «тематические блоки» сборника указывают на зарождение особого типа нигилизма, «отрицающего нигилизм XIX в. и склоняющегося скорее к нищенскому типу отрицания традиционной морали, который стоило бы назвать “неонигилизмом”» [Там же: 124].

Что же касается образов, прямо полемических по отношению к героям романов 60—70-х годов, то, как отмечает исследователь, в сборнике Гиппиус герои-«новые люди» в смысле 1860-х отсутствуют [Там же]. В качестве исключения автор выделяет только Антона Антоновича — главного героя рассказа «Голубое небо» (впервые опубликован в составе сборника «Новые люди»). Чтобы выявить особенности изображения «новых людей» Гиппиус, остановимся на этом рассказе подробнее, учитывая контекст — романы «Идиот» и «Что делать?».

Начнем с портрета героя. Внешний вид Антона Антоновича Гиппиус описывает всего в нескольких штрихах, порождающих, однако, стойкую ассоциацию со стереотипным образом «шестидесятника»³: «На тоненьком носу у него всегда было дымчатое *pinse-nez*, которое сильно сжимало переносье.

³ Есть, однако, и другие мнения: например, в исследовании О.В. Морозовой утверждается, что прототипом главного героя является А.П. Чехов и описание его, соответственно, обнаруживает «типичные чеховские черты» [Морозова].

Антон Антонович любил толстые сучковатые палки, ходил быстро, никогда не унывал...» [Гиппиус 1: 338]. Создаваемый образ можно сравнить с «хрестоматийным» описанием «новых людей», приводимым А.М. Скабичевским: «Желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность новых людей, и, таким образом, появились те пресловутые нигилистические костюмы, в которых щеголяла молодежь в течение 60-х и 70-х гг. Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы (женщин) и космы сзади до плеч, синие очки» [Скабичевский: 250].

Черты «нового человека» 60-х годов в герое Гиппиус — не только в портретном сходстве; более всего эта «идеолого-поведенческая модель» обнаруживает свое присутствие в речи героя, предельной концентрации достигая в письме-исповеди, адресованном главной героине (Людмиле) и отмеченном, как было указано Д.М. Магомедовой, использованием многочисленных «клише, свойственных литературе о “новых людях”» [Магомедова: 124]. В этой авторепрезентации, которая начинается со своеобразного манифеста («На мне нет пятна, на моей совести нет укора <...> Я всегда знал, что я должен делать, и всегда делал, что должен» [Гиппиус 1: 349—350]), на первый план выходят черты обобщенного образа «нигилиста», который «по убеждениям» отрекся от своей «среды» и, подобно тургеневскому Базарову, «сам себя воспитал»: «Я не стыжусь своего происхождения. Мой дед был слесарь, а папаша — самый мелкий чиновник в Одессе. <...> Убедившись, что слух об этом злоупотреблении [речь идет о взятках, которые брал отец героя. — Я. Д.] не клеветает, я сказал себе: у меня больше нет отца! Потому что нечестный человек не может быть моим отцом. <...> И вот мне двадцать восемь лет <...> всего этого достиг я сам, я один, своей настойчивостью и работой» [Там же: 350]. Заключает свою исповедь Антон Антонович предложением брака героине, и в этом предложении, как отмечено Д.М. Магомедовой, «гражданская фразеология почти пародийно перемежается <...> с чиновничьей лексикой» [Магомедова: 124]: «...Вы будете добрым товарищем. <...> У вас будут тогда обязанности, к которым надо относиться строго. <...> Ну, по рукам, что ли! Вместе на борьбу, на жизнь, на работу» [Гиппиус 1: 350].

Однако вся эта «новизна» — кажущаяся, существующая только в авторепрезентации героя, фактически пародийная. В ходе развития сюжета открывается, что в действительности за личиной «нового человека» кроются вполне «старые» карьеризм (показательно, что сразу после утверждения «Я — полезный член общества» в исповеди Антон Антонович сообщает, что он на хорошем счету и легко может получить повышение) и мещанство (воплощением которого являются его литературные опыты, полные «бульварных» штампов), а сам герой — бесчувственный и жестокий эгоист, «ставший причиной смерти матери и отказавший престарелому отцу в прощении и помощи» [Магомедова: 124].

Противоположностью Антону Антоновичу в рассказе является его избранница — Людмила. Она не демонстрирует никаких «новых» (в смысле 60-х годов) «убеждений», напротив, ей свойствен имморализм (или неонигилизм в терминологии Д.М. Магомедовой) — во время объяснения Людмила объявляет Антону Антоновичу: «Не верю в ваши обязательства и нравственные законы. Не надо быть в рабстве» [Гиппиус 1: 359]. «Долгу» Антона Антоновича противопоставлен свободный поиск героиней иной, высшей формы бытия, не связанного земным «законом», «великого счастья», «навсегда недоступного и навеки непонятного», символом которого в рассказе становится голубое небо, «созвучное» не только образам-символам неба и моря в других

рассказах сборника — «Богиня» и «Смирение», но и описанию водопада в романе «Идиот»: «У нас там водопад был, небольшой, высоко с горы падал и такую тонкою ниткой, почти перпендикулярно, — белый, шумливый, пенистый <...> солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь...» [Достоевский: 50—51] (ср. у Гиппиус: «...в нашем городе есть улица, прямая и короткая. Она <...> обрывается таким спуском, что его не видно издали, и кажется, что улица кончается небом ... Я шла мимо один раз и вдруг увидела это небо; оно было чистое, ровное, синее <...> Вот тогда мне опять показалось на мгновение, что есть какое-то великое счастье, для нас навеки недоступное и навеки непонятное» [Гиппиус 1: 346]). Ещё одним вероятным источником образа героини может быть стихотворение Д.С. Мережковского с аналогичным тексту Гиппиус названием — «Голубое небо» (1894): «Я людям чужд и мало верю // Я добродетели земной: // Иною мерой жизнь я мерю, // Иной, бесцельной красотой. // Я верю только в голубую // Недосягаемую твердь» [Мережковский: 479].

Во время объяснения Людмила раскрывает всю лицемерность «равноправного» союза, предлагаемого ей Антоном Антоновичем: «А скажите, какой мужчина — да и вы тоже — согласился бы взять меня только как товарища, без подчинения, без унижения, осмелился бы все предоставить моей собственной воле? О, ни один! Им не нужны люди, им нужны женщины. Подите вы от меня с вашей любовью, и с вашим долгом...» [Гиппиус 1: 360]. Примечательно, что кульминационным этот фрагмент становится не только во внутренней структуре рассказа, но и с точки зрения связи текста Гиппиус с романом Чернышевского: в монологе Людмилы обнаруживается фактически дословное воспроизведение высказывания Веры Павловны, «дошедшей до пифоса» в разговоре с Жюли: «Так теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь!» [Чернышевский: 35].

Таким образом, в рассказе происходит подмена, характерная для реализации принципа *qui pro quo*, генетически восходящего к комедийному приёму, в основе которого лежит недоразумение, путаница, и являющегося основой мотива «выступления в чужом обличье, когда одних принимают за других» [Пропп: 120]. Впоследствии в работах Р.Я. Клейман принцип *qui pro quo*, рассмотренный уже не только как исключительно атрибут комического, осмысливается в качестве одной «из важнейших художественных констант творчества Достоевского» [Клейман: 79].

Итак, механизм реализации этого принципа в рассказе «Голубое небо» заключается в следующем: первоначальное представление героях рассказа в ходе развития сюжета развенчивается, оказывается ложным, и в результате этого развенчания совершается инверсия, смысловая перестановка: в данном случае изначально «положительный», демонстрирующий признаки «нового человека» Антон Антонович на деле оказывается посредственным карьеристом, а противоположная ему «отрицательная», «неприятная» (такова одна из первых ее характеристик в рассказе) Людмила — истинно «новым человеком» в том смысле, который эта номинация приобретает в мировоззрении Гиппиус и деятелей ее круга, — противопоставляющим «старому» нигилизму стремление за пределы обыденного существования к «великому счастью» и «новой

красоте», воплощенным в образе голубого неба. Ведущую роль в реализации этого принципа и в изображении героев играют два контекста — романы «Идиот» и «Что делать?», причем последний, вопреки ожиданиям, упоминается не в пародийном ключе или исключительно полемически, а актуализируется именно в связи с одним из ключевых понятий мирозерцания новых «новых людей» — свободы, доходящей до «неонигилизма».

Возвращаясь к месту оппозиции «старого и нового» в мировоззрении и антропологическом проекте Гиппиус, отметим, что эта проблема не ограничивается одним только образом нового человека и сборником «Новые люди»: проблематизация отношений «старого и нового», «традиции и новаторства» внутренне присуща авторскому сознанию, озабоченному поиском «новой твари», «томление» по которой есть, по выражению М. Шагинян, «тот фундамент, на котором воздвигается вся ее поэзия» [Гиппиус: pro et contra: 444].

Список источников

- Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. М.: Русская книга: Дмитрий Сечин, 2001—2019.
Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. 511 с.
З.Н. Гиппиус: pro et contra. СПб.: РХГА, 2008. 1038 с.
Мережковский Д.С. Голубое небо // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб: Академический проект, 2000. С. 479.
Скабичевский А.М., Литературные воспоминания. М.:Л.: Земля и Фабрика, 1928. 360 с.
Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. 876 с.

Список литературы / References

- Клейман Р.Я. Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2000. 306 с.
(Kleiman R.Ya. Dostoevsky's Artistic Constants in the Context of Historical Poetics: dis. ... doctor of Sciences (Philology), St. Petersburg, 2000, 306 p. — In Russ.)
Козьменко М.В. Александр Закржевский — интерпретатор мировоззренческих рефлексий эпохи «ренессанса Достоевского» // Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в.: сборник статей. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2021. С. 64—82.
(Koz'menko M.V. Alexander Zakrzhevsky as an Interpreter of Worldview Reflections of the “Dostoevsky Renaissance” Era. *F.M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th — the First Third of the 20th Century*, Moscow, 2021, pp. 64—82. — In Russ.)
Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX — начала XX в. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 118—125.
(Magomedova D. M. Rewriting the “New People” Plot in the Russian Fiction at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries (V.V. Veresayev and Z.N. Gippius), *Novyi filologicheskii Vestnik*, 2018, no. 2, vol. 45, pp. 118—127. — In Russ.)
Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 400 с.
(Matich O. Erotic utopia: the decadent imagination in Russia's fin de Siècle, Moscow, 2008, 400 p. — In Russ.)
Морозова О.В. Рассказ как форма критики: к вопросу о литературной репутации А.П. Чехова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 2. С. 69—75.
(Morozova O.V. A Short Story as a Form of Criticism: Towards the Problem of Chekhov's Literary Reputation, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki*, 2012, vol. 154, no. 2, pp. 69—75. — In Russ.)
Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

- (Nikoloz R. Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture at the End of the 19th Century, Moscow, 2019, 512 p. — In Russ.)
- Пильд Л. Зинаида Гиппиус и Иван Тургенев // Блоковский сборник XIV. К 70-летию З.Г. Минц. Тарту, 1998. С. 86—118.
- (Pil'd L. Zinaida Gippius and Ivan Turgenev, *Blok collection XIV. On the 70th anniversary of Z.G. Mints*, Tartu, 1998, pp. 86—118. — In Russ.)
- Пильд Л. Зинаида Гиппиус и Тургенев (1890-е годы) // Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. С. 56—76.
- (Pil'd L. Zinaida Gippius and Turgenev (1890's), *Pil'd L. Turgenev in the perception of Russian Symbolists (1890's—1900's)*, Tartu, 1999, pp. 56—76. — In Russ.)
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
- (Propp V.Ya. Problems of Comedy and Laughter, Moscow, 1976, 183 p. — In Russ.)

TRADITION VS INNOVATION: ZINAIDA GIPPIUS' "NEW PEOPLE"

Yana Ya. Dzhamalova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
rus-classic-lab@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the relationship between “old and new”, considered on the Zinaida Gippius’ works (1890s). The focus is on image of the “new man” created by Gippius in her provocative called collection “New People” (1896), which, on the one hand, demonstrates the author's claim to create new anthropology and new aesthetics, on the other hand, places her works in the context of the previous tradition. The article provides an analysis of the critical reviews (1896 — early 1910`s), which build a constant perceptive line based on the comparison with the main character of the Fyodor Dostoevsky’s novel “The Idiot”. Using research works of the XX—XXI centuries, article considers the question of influence on the Gippius’ texts of tradition of Russian classics, embodied in Chernyshevsky’s novel “What Is to Be Done?”. The final part of the article provides an analysis of the story “Blue Sky” (from “New People”). The text reveals the presence of both of traditions, each of which has a direct influence on the “new man” image. There is no expected contradiction between these traditions. Analysis of the main characters allows to reveal the presence of the so-called “qui pro quo principle”, which belongs to Dostoevsky’s poetics and was “inherited” by Gippius.

Keywords: “new people”, Zinaida Gippius, Nikolay Chernyshevsky, Fyodor Dostoevsky, the “old — new” opposition, the “qui pro quo principle”

For citation: Dzhamalova Ya.Ya. Tradition vs innovation: Zinaida Gippius’ “new people”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 2, pp. 34—41.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Джамалова Яна Яниковна — аспирант кафедры русской литературы, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская классика: аксиологические основы и мировой контекст», Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, rus-classic-lab@yandex.ru, SPIN: 3434-7402.

Dzhamalova Iana Ianikovna — postgraduate student of the Department of Russian literature, junior researcher of the research laboratory “Russian classics: axiological basis and the world context”, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation, rus-classic-lab@yandex.ru